

Венедиктов Д.

Георгий Гапон

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В29

В29 **Венедиктов Д.**
Георгий Гапон / Венедиктов Д. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 40 с.

ISBN 978-5-458-24164-9

Имя Георгия Гапона навсегда связано с началом революции 1905-1907 гг. в России. В прошлом о нем говорилось как об агенте охранки и сегодня эта оценка по-прежнему господствует. Автор рассматривает этот вопрос и на него дает свой вариант ответа. Исследуя связи Гапона с различными революционными партиями России, его контакты и деятельность за границей, Гапон характеризуется как политическая личность на основе трех периодов его жизни - до 9 января 1905 г., в эмиграции и в последние месяцы перед смертью

ISBN 978-5-458-24164-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чих в партию. Разительный пример дезорганизаторской деятельности меньшевиков в то время представляет собою история неудавшейся демонстрации в Петербурге 28 ноября 1904 г. Несмотря на то, что рабочие очень живо откликнулись на призыв к демонстрации и усиленно к ней готовились, меньшевики, воспользовавшись отсутствием трех членов комитета большевиков, постановляют демонстрацию отменить, заготовленные листки с призывом к рабочим сжечь. Надо знать, каких трудностей стоило отпечатать в нелегальной типографии 12 000 листов, чтобы понять значение этого постановления. По протесту большевиков комитет пересматривает свое постановление и решает принять участие в демонстрации. Но без листов оповестить широкие массы и призвать их к участию в демонстрации было конечно невозможно, и демонстрация провалилась. Ленин по этому поводу писал: «Что наша партия серьезно больна и за последний год потеряла добрую половину своего влияния, это знает весь мир». Призывая «разобраться в причинах кризиса и вырвать зло с корнем» и напоминая все стадии кризиса партии, Ленин говорит: «Мы должны... заявить открыто и подтвердить на деле, что партия порывает с этими господами все и всякие отношения».

В таких условиях неудивительно, что поп и провокатор Гапон сумел увлечь за собою рабочие массы Петербурга; но в дальнейшем масса захлестнула Гапона, заставив его ступить на путь революционных требований, которые он изложил в своей петиции. Поднятое Гапоном движение быстро переросло те казенно-охранительные рамки, в которые по инструкции охранки пытался уложить его Гапон, оно извергло Гапона из своей среды, пошло по революционному пути и под руководством большевиков проделало в 1905 г. «генеральную репетицию» социалистической революции 1917 г.

Особенности развития России привели к тому, что революция здесь в короткий срок прошла все стадии, которые в Западной Европе делятся десятилетиями. «Большевизм, — пишет Ленин, — проделал пятнадцатилетнюю (1903 — 1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения... Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и усиленно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта». В этом смысле события 9 января особенно поучительны: массы в течение нескольких дней выросли невероятно — на смену законопослушным членам «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», руководимых попом, покровительствуемым градоначальником, благословляемых охранкой, выросли революционеры, которые победоносно завершили борьбу не только против самодержавия, но и против капиталистического строя. Союз попа и охранки сумел на время одурманить рабочих, но события 9 января отрезвили их, а революционная партия пролетариата доставила массы на правильный путь классовой политической борьбы.

Под свежим впечатлением событий Ленин 18 января 1905 г. писал «В истории революции всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса. Эта масса учится на практике у всех перед глазами, делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, поверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач, и как бы велики ни были отдель-

ные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, — ничто и никогда не сравнится по своему значению с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы». «Революция 1905 г. проверила, укрепила, углубила и закалила непримиримо революционную социал-демократическую тактику в России». Революционное движение приняло массовый характер, на собственном опыте проверило правильность политического руководства, осуществляемого пролетарским авангардом — партией большевиков во главе с Лениным, укрепившей в процессе революции свою железную дисциплину, «выдержку, твердость, непреклонность и единство воли».

Партия большевиков, возникшая «на самой прочной баз теории марксизма», сумевшая слиться с самой широкой массой трудящихся, выработавшая в тесной связи с массовым революционным движением правильную революционную теорию, стратегию и тактику, сумела организовать пролетариат для победы не только над самодержавием, но и над капиталистической системой. От расстрела мирной манифестации 9 января 1905 г. до окончательной победы пролетарской революции в октябре 1917 г. — таков героический путь российского пролетариата под водительством подлинно революционной партии большевиков.

Сейчас, когда трудящиеся СССР под руководством коммунистической партии завершают построение фундамента социалистической экономики, в странах капитала пролетариат ведет жестокую борьбу за свое освобождение, в условиях неслыханного фашистского террора, ужасающей безработицы и жесточайшего экономического гнета. В этой борьбе буржуазия и ее социал-фашистские приспешники мобилизуют против трудящихся также и поповскую свору, стараются затуманить классовое сознание пролетариев, завлекая их в «христианские», «католические» и другие организации. Поэтому, если для нас гапоновщина — прежде всего поучительная страница из истории прошлого, то для пролетариев Запада она продолжает оставаться предметным уроком в их настоящей борьбе. В этом смысле изучение истории январских событий приобретает особо важное воспитательное значение.

А. РАНОВИЧ.

Георгий Гапон

«Весь мир удивился неожиданности, — рассказывает нововременский «иудушка» М. О. Меньшиков, — русский «поп» — основная твердыня самодержавия, и вдруг — вождь революции! Причем оказалось, что вождя этого создали власти с Плеве во главе». Между тем М. О. Меньшикову нельзя отказать в полной осведомленности на основании «самых точных сведений», получаемых его газетой «Новое время» из недр царской охранки.

Поп — и вождь революции; поп — опора самодержавия, «престол-отечества», и вместе с тем — «организатор бунта» рабочих! Неудивительно, что по прибытии своем за границу этот «революционер в рясе» на первых же порах вызвал к себе такое уважение и преклонение в русской эмиграции, что за ним взапуски гонялись представители разных социалистических течений, каждый стараясь заполучить попа в свою партию.

Теперь политическое прошлое этого «революционера в рясе» не подлежит никакому сомнению: Георгий Гапон был до рокового дня 9 января секретным сотрудником чиновника особых поручений при министре внутренних дел — знаменитого провокатора С. В. Зубатова, ведавшего тогда в Петербурге тайным политическим розыском; был он и после 9 января секретным сотрудником царской охранки.

Поп и агент тайной политической полиции — явление во всяком случае совсем заурядное в русской действительности: вся история православной христианской церкви подтверждает это. Церковь всегда охотно оказывала русскому императорскому правительству всемерную помощь в деле борьбы с революционным движением в стране; она была тайным полицейским агентом, старательно используя все церковные возможности, и прежде всего исповедь, для улавливания таким образом в полицейско-православные сети мало устойчивых политически, но порвавших еще с официальной православной церковью слоев рабочих и революционной интеллигенции. В лице Георгия Гапона она является агентом-провокатором.

«Поразительна судьба этого незначительного человека, — говорит уже известный нам нововременский «иудушка», — нечаянно очутившегося на один момент в центре бури, приподнятого, как былинка, бог весть на какую высоту известности, и брошенного куда-то во мглу.

Толстовец, священник, революционер — и шпион, в разных настроениях он оказался одинаково ничтожным. Ход истории поставил его вождем великого бунта, и его хватило лишь на то, чтобы двинуть рабочих под штыки и пули, самому перепрыгнуть через забор и очутиться за границей.

Таков он, русский священник. Тотчас же начал печатать свои автобиографии, путешествовать с сожительницей, играть в Монако.

Все дальнейшие его шаги отличаются мелкою растерянностью, тем же двоедушием, той же странной прикосновенностью к тайной помощи и революции.

С ведома графа Витте он проживал в Петербурге, хотя подлежал виселице, и оказывал как-то услуги правительству.

Наряду с попом-шпионом выдвинулся мелкий работник-журналист Матюшенский, который «уволок» куда-то деньги».

Эта меткая, уничтожающая Гапона характеристика принадлежит сотруднику «Нового времени», той газеты, перед которой широко открывались двери даже департамента полиции, на страницах которой работали и видные сотрудники департамента полиции и вообще царской охранки. Таким образом осведомленность автора приведенной выше характеристики не подлежит никакому сомнению. И теперь, когда нас отделяет от события 9 января четверть века, мы можем приступить к характеристике попа из охранного отделения¹.

Георгий Апполонович Гапон был сыном зажиточного крестьянина-казака Полтавской губернии Кобелякского уезда дер. Беляки. По окончании полтавской духовной семинарии Гапон женится и через два года становится священником местной кладбищенской церкви. После смерти своей жены, оставившей ему двоих детей, Гапон не без сильной протекции «одной дамы, очень богатой помещицы», знакомой помощника оберпрокурора синода Саблера, добился разрешения держать вступительный экзамен в Петербургскую духовную академию. Экзамены Гапон выдерживает блестяще, почему и принимается в число студентов академии, причем ему выдается стипендия купца Погребова. Уже будучи студентом второго курса, при содействии К. В. Саблера он устраивается священником церкви Скорбящей богородицы в Галерной гавани, где близко знакомится и сходитя с местным рабочим населением. Отсюда он скоро перебирается во второй приют Синего креста, одновременно занимая место преподавателя священного писания в Ольгинском доме для бедных.

К этому времени (1901 — 1902 гг.) относится «какая-то таинственная история», которая и послужила причиною увольнения Гапона от должности священника приюта и исключения его из числа студентов академии. По свидетельству Хитрово, одной из его «высокопоставленных почитательниц», Гапон «несколько раз каким-то образом ухитрился попасть в спальню к девушкам; однажды он встретил какую-то из них и отправился в меблированные комнаты»².

В результате столь близкого пощения о приютских девушках комиссия приюта постановила уволить священника Г. Гапона от занимаемой им должности, а о причинах увольнения донести митрополиту Антонию. В протоколе приюта Синего креста за 1902 г. мы находим следующие строки: ...«девять случаев взятия воспитанниц родными в течение августа и сентября сопровождалось странной поспешностью и непонятым смущением родных».

В ответ на постановление комиссии Гапон, покидая приют, захватил с собою воспитанницу У., ставшую впоследствии его женою, и уехал в Полтаву, покинув академию, не держа даже переходных экзаменов на четвертый курс, почему и был исключен из числа студентов академии.

Скоро, однако, Гапон возвращается в Петербург и снова появляется в стенах духовной академии, куда он попадает, «не без протекции охранного отделения, — как свидетельствует об этом жандармский генерал Спиридович, — которое уже знало Гапона и покровительствовало его работе среди бедного люда, находя его собеседования полезными»³.

¹ Архив петербургского охранного отделения был сожжен; дела же департамента полиции по особому отделу частью расхищены заинтересованными в этом лицами, частью также сгорели. Сгорели и архивы петербургской судебной палаты и окружного суда. Этим только и объясняется тот недостаток архивного доказательного материала, который дает право, так называемым «гапоновцам» утверждать решительным тоном и совершенно бездоказательно, что Гапон «всегда (?) был честным человеком». Однако дальнейшее наше изложение покажет читателю, что Гапон до и после 9 января был секретным сотрудником тайной политической полиции.

² «Голос минувшего», 1917 г., кн. XI — XII, стр. 65.

³ «Записки жандарма», стр. 166 — 167.

По окончании академии в 1904 г. Георгий Гапон, опять-таки по протекции благоволившего к нему митрополита Антония, получает выгодное для молодого священника место в Петербургской пересыльной тюрьме, где его застают январские события ⁴.

Поп Гапон и охранник Зубатов

Знакомство Гапона с представителями и руководителями политического розыска в России началось давно: уже в конце 1889 г. он знакомится с зубатовскими рабочими, а в 1902 г. он запросто бывает у заведующего особым отделом департамента полиции Зубатова, с которым не порывает своей связи до дня падения последнего. Академик М. Н. Покровский говорит, что «Гапон оказался причастным к какому-то политическому делу и таким путем попал в лапы Зубатова и его помощников. Его «выручили» и дали ему понять, что на службе полиции он гораздо легче найдет удовлетворение своим инстинктам и склонностям, чем на службе революции» ⁵. Мы не нашли никакого подтверждения прикосновенности Гапона к революционному движению того времени. Полагаем, что это «политическое» дело — известная читателю история, имевшая место в Синем кресте. Об этих сношениях с охранкою рядовые рабочие-гапоновцы не только не знали, но и не подозревали.

С. С. Зубатовым поп Гапон познакомился при посредстве рабочих-зубатовцев, с некоторыми из них Гапон был уже знаком и дружен; известно, что он долгое время возился с мыслью об объединении босяков и оказании им материальной помощи. Он усердно посещал кружок зубатовцев, собиравшихся в квартире самого Зубатова. Здесь, на квартире С. Зубатова, поп Гапон познакомился с теорией «полицейского социализма», в свое время причинившего русскому рабочему движению огромные бедствия, вовлекая в ряды «зубатовцев» нередко тысячные массы рабочих фабрично-заводских центров. Зная хорошо, что стачки рабочих «являлись первоначальной школой политического воспитания рабочих», что они делали рабочих «еще более восприимчивыми к принятию идей социализма», казавшихся до того «праздною мечтою», развивая в них «сознание необходимости классовой борьбы, для успешности которой выясняется все больше настоятельность в политической агитации», охранник С. Зубатов еще в 90-х годах прошлого столетия предложил московскому оберполицмейстеру *обезвредить революционеров, «обезоружив их в самом основании», т. е. необходимо было, по его мнению:*

«Открыть и указать рабочим законный исход из затруднительных случаев их положения, имея в виду, что за агитатором пойдет лишь юная и энергичная часть толпы, а средний рабочий предпочитает всегда не столь блестящий, но более покойный и законный исход. Расколотая таким образом толпа потеряет ту свою силу, на которую так надеется и рассчитывает агитатор».

И так как на Западе рабочие уже являются «орудием будущего социального переворота» и подобная опасность несомненно грозит и царской России, то необходимо теперь же «отвлечь рабочих от социальной революции».

«По духу времени, когда Западная Европа поглощена рабочим вопросом, весь интерес революции сосредоточен на фабрично-заводской среде, и где при-

⁴ Уволен он был приказом петербургского епархиального начальства 19 — 20 января с запрещением служить с лишением священнического сана и исключением из духовного звания. (См. дело канцелярии синода № 5618 за 1905 г.)

⁵ «Красная летопись», № 1 за 1922 г., стр. 107, и «Историко-рев. сборн.» под ред. В. Невского, кн. I, стр. 193.

страивается революционер, там обязана быть и государственная полиция.. Таково требование времени».

С этой-то «спасительной» целью теоретики полицейского социализма предложили императорскому правительству прежде всего направить политическую полицию на фабрики и заводы: до того правительство было налугано стачками 90-х годов прошлого столетия. Стачки эти, по словам штаб-лекарей из охранного отделения, развивали в рабочих «сознание необходимости классовой борьбы, для успешности которой выясняется все больше настоятельность в политической агитации». Поэтому авторы зубатовского проекта пишут:

«Чем занят революционер, тем обязана интересоваться и полиция.. Настоящий момент настолько тревожен, деятельность революционеров настолько интенсивна, что для борьбы со злом требуется дружная совместная работа всех сопричастных движению ведомств».

Такова основная «идея» полицейского, зубатовского социализма. Идея самодержавия, по мнению зубатовцев, «не против рабочего класса», не против его требований, однако залог скорейшего экономического освобождения рабочего класса — только в независимой и сильной самодержавной власти, для чего необходимо помогать рабочим в деле удовлетворения их «законных» требований.

Идея Зубатова—Трепова получила одобрение всесильного Плеве и великого князя Сергея Романова, и к осуществлению ее было приступлено немедленно организуются специальные профессиональные полицейские союзы, возглавляемые «советами» из малодушных, пестойких рабочих, куда проводилась секретная политическая агентура. Советы эти нередко добывались от фабрикантов, под давлением полиции, удовлетворения требования рабочих; в случае отказа в них устраивали стачки опять-таки с помощью той же полиции.

Зубатову удалось всяческими путями завербовать в свои союзы рабочих, нередко из бывших партийцев; некоторые из них получили вполне заслуженную ими славу заправских провокаторов. Этим «партийцев» сюда бросала неудовлетворенность работою социалистических организаций, боязнь полицейских гонений, тюрьмы, ссылки и т. п. Они заняли впоследствии видное место и в организации попа Гапона: «Несомненно, — говорит столь авторитетный свидетель, как академик историк М. П. Покровский, — тут был не один даже Гапон, а целая шайка провокаторов, которые потом тоже, конечно, не прочь были изобразить себя ловкими революционерами, умевшими дурачить власти»⁶.

Таким образом попытки некоторых «очевидцев» выставить этих рабочих как социал-демократов, выступивших из партии для того, чтобы «толкать влево» гапоновские отделы, основаны на извращении фактов.

Удачные опыты с зубатовскими рабочими союзами в ряде городов, и прежде всего в Москве, побудили Зубатова заняться организацией таких же полицейских союзов и в Петербурге; с переездом Зубатова на службу в департамент полиции, в Петербурге образовался такой кружок рабочих; его и посещал Гапон. «Желторотый» в области рабочего вопроса и движения, не прочитавший ни единой книги по этому предмету, Гапон аккуратно посещал зубатовский рабочий кружок, старательно изучал все, что говорилось на эту тему, словом, «изучал» под руководством самого Зубатова рабочий вопрос. Здесь же он расширял и круг необходимых для него знакомств среди петербургских рабочих-зубатовцев, чему в сильнейшей степени способствовала его священническая ряса, которая помогала ему проникать в такие места, которые мало или даже совсем были недоступны обыкновенному смертному.

⁶ «Русская история в самом сжатом виде», стр. 108. (Разрядка наша. — Д. В.)

«Каждое утро, — рассказывает С. В. Зубатов, — вместе с моим московским приятелем Гапон являлся ко мне на квартиру перед моим уходом на службу для выяснения якобы своих теоретических разногласий со спутниками. Все мои слова он записывал в записную книжку, так что обратил даже внимание этим моих родных, но я не придавал сему обстоятельству никакого значения, полагая, что это даже к лучшему: скорее усвоит он себе должные взгляды на дело»⁷.

Однако наука — наукою, но и о хлебе насущном не грех было подумать. И вскоре после своего знакомства с Зубатовым поп Гапон вступает в непосредственные денежные с ним взаимоотношения. Во всяком случае доклады Гапона неизменно оплачивались самим Зубатовым, как Гапон и сам рассказывает в своей «Исповеди». Однако, как уверяют его приверженцы Карелин, Варнашев и др., все это он делал исключительно «во имя.. рабочих интересов». Однажды после одного такого доклада Зубатов вынул из своего стола двести рублей и подал их Гапону.

«Я не смел отказаться от денег, — елейно оправдывается поп из охранного отделения, — чтобы не возбудить подозрения, но сказал, что мне слишком много, и взял только сто рублей»⁸.

Нельзя сомневаться и в том, что одним докладом поп Гапон не ограничился, а потому не ограничивался он и указанною суммою денег «в интересах рабочего дела». Во всяком случае в той же «Исповеди» Гапон вспоминает про другой случай денежной полочки и на сей раз уже из кассы петербургского охранного отделения:

«Однажды, — рассказывает он, — меня пригласили в охранное отделение и предложили мне большую сумму денег для нашего общества. Как мне ни горько (!) было принять даже и часть, но, чтобы отвлечь подозрение, я взял четыреста рублей и внес эту сумму в наши книги как анонимный дар»⁹.

Мы не знаем, вносил ли указанные деньги Гапон в кассу общества, но вполне уверенно можем заявить, что таким путем обмануть сильную по тому времени царскую охрану Гапон конечно не мог: и здесь он был весьма «желторотым». Впрочем, Гапон не отказывался и от не столь «больших сумм»; так, он рассказывает о своем визите к директору... департамента полиции А. А. Лопухину, к которому он явился по вопросу об утверждении устава своего общества. Директор департамента полиции принял Гапона любезно: «...и когда я сказал, что у нас нет библиотеки и мы нуждаемся в книгах и газетах, удивил меня вопросом сколько мне надо для этой цели? Вскоре, к моему отвращению (!), я получил из министерства внутренних дел около 60 рублей».

Сколь велико было «отвращение» Гапона к денежным подачкам, получаемым им из кассы царской охраны, можно судить по свидетельству того же С. В. Зубатова, который утверждает следующее:

⁷ «Былое», 1917 г., № 4/26, стр. 169

⁸ «Исповедь», стр. 55.

⁹ «Исповедь», стр. 67. Двадцать лет спустя некоторые гапоновцы пробовали оправдаться; так, Карелин пишет: «Я подозревал и слышал со стороны, что Гапон будто получил деньги в охранном отделении. Однако, если бы это было верно, я бы что-нибудь заметил» («Красная летопись», 1922, № 1, стр. 116). Из дальнейшего, однако, явствует, что Карелин знал более, чем «что-нибудь», история с злополучными 30 000 руб. была хорошо известна Карелину, известно ему было, что на оборудование некоторых отделов охранное отделение отпускало немалые суммы ибо даже в том же номере «Красной летописи», на стр. 299, мы читаем «Оборудование второго помещения чайной обошлось в 360 руб., из коих 150 были даны с-петербургским охранным отделением».

Однажды рабочие обратились ко мне с просьбою помочь деньгами батюшке, так как, по их наблюдению, он, видимо, сильно нуждался. Я завел деликатную речь об этом, и он не отказался от ежемесячного пособия в 100 рублей».

Подобная и притом регулярно получаемая Гапоном денежная сумма могла выдаваться из казенного сундука только как вознаграждение за дачу подробного «осведомительного материала» представителю департамента полиции или охранного отделения; как известно, даром такие деньги никогда не выдавались. Ловкий поп ухитрялся, однако, получать денежное «пособие» одновременно из двух полицейских касс ежемесячно. Вот что говорит тот же С. Зубатов:

«При сдаче мною должности тому лицу, которое навязало мне знакомство с Гапоном, оказался такой казус (случай): просматривая все оправдательные документы, оно увидало запись: «Гапону—100», и очень заволновалось, так как само платило ему столько же»

«Впоследствии это лицо мне признавалось, что, будучи вынужденным давать градоначальнику подробные сведения о моих начинаниях в С.-Петербурге по рабочему вопросу и, опасаясь быть назойливым в отношении меня, оно представило ко мне в качестве агента Гапона и платило за такое же освещение (!) 100 рублей в месяц».

Хитрый поп ухитрялся таким образом служить двум единокровным: департаменту полиции и охранному отделению, брал «и на Онуфрия и на Антония».

Мы не знаем, сколько таким образом удалось Гапону «перехватить» у обоих розыскных органов денег, однако вряд ли можно сомневаться в том, что сумма эта должна быть неизмеримо большею, чем та, которую он в бытность свою за границу называл близким ему эмигрантам; он утверждал, например, что всего перебрано им «около 6.000 рублей». Получая, кроме своего жалования, по двести рублей в месяц за свою охранную осведомительную деятельность, Гапон мог свободно ссужать незначительными суммами рабочих-гапоновцев, тем самым отвлекая от себя возможное подозрение, которое тем не менее не могло не зародиться у чистоплотных его сотрудников по обществу.

Из истории российской провокации известно, что все уличные секретные сотрудники и агенты-провокаторы всегда объясняли свою денежную зависимость от политических розыскных органов или желанием «отвлечь» внимание самой охранки от «общереволюционного дела», или желанием помочь этому делу деньгами, «обмануть» охранку; известно также, что уличные агенты-провокаторы получение ими огромных денежных средств неизменно объясняли получением таковых или «от американского дядюшки» или «от сочувствующего революции купца». Последнее мы встречаем в прошлом Гапона и его сотрудников по обществу.

Таким образом никакому сомнению не подлежит, что поп Гапон состоял секретным сотрудником тайного политического розыска (царской охранки), вступив с представителями его в непосредственные и притом денежные отношения¹⁰.

¹⁰ В свое время в архиве департамента полиции мы видели огромное количество квитанционных книжек, представлявших в департамент полиции местным охранным отделением. По этим книжкам в свое время нам удавалось установить факт принадлежности к охранному миру тех или иных революционеров. Расписки подписывались чаще всего охранными псевдонимами и реже нумерами. Было бы желательно просмотреть теперь эти документы, среди коих должны храниться и расписки по Гапону, так как суммы в 200 — 400 руб. не могли выдаваться без оправдательных документов. Гапона, сколько нам известно, в охранном мире называли «Апестоловым».

Школа Сергея Зубатова оказала благотворное влияние на политическую карьеру попа Гапона: у Зубатова и у его приятелей он знакомится с представителями и руководителями тогдашнего политического розыска в России. «Знакомства Гапона в охранных сферах расширились, — говорит Зубатов, — и он становится там своим человеком».

Впрочем, своих охранных знакомств поп Гапон не скрывает от некоторых своих доверенных рабочих-зубатовцев, объясняя эти знакомства неизменно одним желанием «обмануть» тайную полицию «ради будущего» своего общества.

«Однажды, — рассказывает Гапон, — он (т. е. Зубатов. — Д. В.) пригласил меня обедать в дом личного своего и ближайшего помощника в деле преследования революционеров — Мельникова. Там меня представили генералу Скандарову; в числе гостей были и другие агенты Зубатова: доктор Шаевич и Гурович».

Как видим, общество для попа Гапона во всяком случае довольно почтенное, и в этом обществе он чувствует себя совершенно свободно и легко читает им доклады, беседует, участвует в обсуждении ряда вопросов и т. п. И можно быть вполне уверенным, что поп Гапон «осведомляет» охранку вполне добросовестно, ибо царская охранка денег даром никогда не бросала и обмана своему сотруднику не прощала; в последнем случае она его «проваливала», т. е. выдавала тем или иным образом революционерам.

Под руководством таких заматерелых в провокации жандармских и охранных руководителей рос и развивался будущий агент-provokator — поп Гапон.

Знакомство Гапона с департаментом полиции и охранным отделением скоро повело и к другому знакомству: Гапоном заинтересовался «сам» министр Плеве. К этому времени авторитет попа Гапона в охранных сферах упрочился и к нему относились с доверием: Плеве задолго до официального утверждения устава «Собрания» разрешил функционирование отделов общества. Таким образом утверждение Гапона, что все эти знакомства вызваны желанием «обеспечить свое дело», чтобы ускорить прохождение «по бесконечным бюрократическим инстанциям», явно не верно ¹¹.

Гапон и его „Собрание“

У того же С. Зубатова Гапон знакомится с рядом выдающихся рабочих-зубатовцев, как например И. Соколовым, Н. Варнашевым, М. Ушаковым и др. В обществе этих рабочих проходят его занятия в кружке Зубатова. При содействии их Гапон «углубляет» свои познания и вместе с тем подготавливает почву для образования самостоятельной рабочей организации под своим личным руководством: он образует группу «будущих вожаков», которая ему якобы и предложила взяться за организацию нового общества рабочих вне всякой зависимости от тайной политической полиции. «После долгих колебаний, — скромно замечает Гапон, — я решил, несмотря на испытываемое мною отвращение (1), пользуясь Зубатовым как орудием, постепенно забрать контроль в свои руки; сделав вид, что я согласен помогать этим услугам самодержавия, я получу свободу сношений с рабочими и избавлюсь от необходимости постоянно прятаться от полицейских сыщиков» ¹².

Таким образом, работая под руководством Зубатова, поп Гапон в то же самое время подкапывается под него и, как впоследствии оказалось, пишет на своего «учителя» доносы в охранный отдел, всячески стараясь подорвать авторитет Зубатова в глазах высших полицейских властей и прежде всего в глазах Плеве. И здесь

¹¹ См. «Исповедь», стр. 60 — 61, 65 и др.

¹² «Исповедь», стр. 56.

хитрый поп ссылается на «отвращение» к павязываемой ему рабочими новой роли; он предвидит, что от него «отшатнется партия политических реформаторов и меня заподозрят в измене, но моя любовь к рабочим, — говорит он в своей автобиографии, — осилила эти колебания». И Гапон решается на «жертву»: принимает предложение рабочих и исподволь приступает к организации ячеек будущего «Собрания».

С внешней стороны таким образом все обстояло благополучно: никто из «его рабочих» кроме «штабного ядра» и «кружка вожаков» не знал ни о денежных источниках общества, ни об истинных целях его; все было «чисто». Однако открыто к организации своего общества Гапон приступает только тогда, когда закатилась охранная звезда его патрона — Зубатова: между последним и министром Плеве произошло серьезное столкновение, которое и повлекло за собою удаление со службы Зубатова и даже высылку его из Петербурга и ссылку под надзор полиции во Владимирскую губернию. Для отвлечения внимания общества от истинной причины опалы Зубатова Плеве связал удаление Зубатова с его «рабочей политикой». Только теперь Гапон приступает по горячим следам к созданию «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», этого нового рабочего объединения на новых началах, преследуя все те же охранительные цели. Гапоновцы сами брали на себя обязанности полицейских и занимались сыском; так напр., была даже учреждена особая должность «контролеров», на обязанности которых лежало наблюдать за каждым новым членом общества или, как сказано в уставе «Собрания» в пункте «г», «наблюдать также за тем, чтобы на улице, у подъезда, на лестнице и на дворе занимаемого «Собранием» дома не собирались бы группами посетители ни для каких обсуждений и разговоров»¹³.

Таким образом дежурные контролеры принимали на себя функции заправских полицейских агентов охранного отделения и полицейских чинов.

Слухи о слишком большой близости, а равно и о денежной зависимости попа Гапона от местного охранного отделения и департамента полиции стали доходить и до рядовых гапоновских рабочих и той интеллигенции, которая работала с ним по организации «Собрания». Дело угрожало получить широкую огласку тем более, что в некоторых кругах трудовой интеллигенции и в обществе упорно поговаривали об активном участии Гапона в политическом розыске. Даже в самой среде верных ему гапоновцев, наиболее приближенных к нему, стали поговаривать о нем, как об агенте-provокаторе. Сотрудник Гапона, артист И. Павлов, утверждает, что в декабре 1904 г. даже ядро самого общества «почти признавало Гапона за provокатора»¹⁴. Положение создалось настолько напряженное, говорит он, что можно было ожидать «совсем неожиданных резких внутренних столкновений К [арелина], состоя в оппозиции, только одна продолжала непоколебимо верить в честность Гапона по отношению к рабочим и сильно смягчала взаимные отношения со штабными».

Однако, несмотря на подозрения, штабное ядро «Собрания» ни разу не попыталось поднять этот вопрос формально, обсудить его широко среди доверенных рабочих «Собрания». Гапоновцы предпочитали молчать, чему в не малой степени способствовал и сам «батьюшка», который не раз говаривал: «Меня терзает, что я до сих пор у товарищей на подозрении и что ко мне до сих пор относятся с недоверием. Скажите им, что я... Ну, да вы сами понимаете!»¹⁵

¹³ См. устав «Собрания», §§ 44 и 45.

¹⁴ «Минувшие годы», 1908 г., кн. 4-я, стр. 52.

¹⁵ Там же, стр. 86.